

Евгений Савойский

Ю.Е. Ивонин

В столице Австрии Вене, на площади Героев перед одним из входов в бывший императорский дворец Хофбург стоит конный памятник знаменитому полководцу и государственному деятелю Австрии принцу Евгению Савойскому, спасителю Австрии от турок и «королю учтивых людей», репутацию которого он приобрел в последние десятилетия своей жизни. Надпись на этом памятнике, поставленном в 1865 г., гласит: «Принц Евгений, благородный рыцарь. Мудрому советнику трех императоров. Славнейшему победителю врагов Австрии». Памятники Евгению Савойскому были воздвигнуты в XIX в. в столице Венгрии Будапеште и в итальянском городе Турине, ранее столице королевства Пьемонт. Евгений Савойский присутствует также во всех клише, символизирующих династию Габсбургов¹.

Но мало кто из посещающих столицу Франции Париж знает, что неподалеку от Лувра располагался когда-то особняк, построенный в XVI в. и переданный в начале следующего столетия принцу крови Карлу Бурбону, двоюродному брату французского короля Генриха IV Бурбона. Именно в этом особняке в семье графа Эжена Мориса Суассона, одного из потомков Карла Бурбона и родственника герцогов Савойских, и Олимпии Манчини, племянницы кардинала Джулио Мазарини, 18 октября 1663 г. родился пятый сын графа, вошедший в историю под именем принца Евгения Савойского, который двадцать лет спустя сбежал в Австрию воевать против турок и сделал стремительную и блестящую карьеру на службе у Габсбургов, в том числе в войнах с Францией². Наполеон Бонапарт считал Евгения Савойского одним из семи величайших полководцев в мировой истории.

Черноволосый и худощавый, со смуглым лицом, с пронизательными глазами, маленького роста и слабого здоровья, он получил при французском дворе прозвище «маленький аббат». Полководческое искусство Евгения Савойского не нашло отражения в каких-то особых теоретических построениях, радикальных изменениях в стратегии и тактике. Главным было умелое использование мощных кавалерийских соединений, принятие нестандартных решений и редкостная способность выбрать самый подходящий момент для нанесения решительного удара, умение, так сказать, на грани озарения. Он был военачальником нового типа, объединившим в своих руках функции военного и государственного управления³.

Ивонин Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного педагогического университета.

Оценки Евгения Савойского в исторической литературе как правило носят апологетический характер. Такова, например, трехтомная биография Евгения Савойского, написанная главным хранителем архива Габсбургов в середине XIX в. А. фон Арнетом, которая полностью построена на архивных документах. Арнет старался акцентировать внимание читателей на «богатстве гениальных идей» принца Евгения в военном искусстве и политике⁴. В наиболее полной биографии Евгения Савойского в пяти томах, написанной М. Браубахом к трехсотлетию со дня его рождения, в принципе сохранился тот же апологетический подход, но более сдержанный и более научный. Браубах отмечал хладнокровие своего героя и подчеркивал, что даже враги не могли изобразить его как мрачного «врага рода человеческого». Будучи католиком и аббатом двух монастырей в Италии, принц Евгений не был вместе с тем религиозным фанатиком и отличался веротерпимостью. К папству он относился критически, что вообще было характерно для Австрийского Дома в XVIII в., но в то же время исполнял все ритуалы, которые требовались от истинного католика. Его идеалом был не «христианский воин», а честь и репутация как человека долга, великодушного и учтивого. Участвуя в военных кампаниях, он все же проявлял по отношению к туркам большую жестокость, очевидно, стремясь принудить их к заключению мира средствами устрашения. Как справедливо заметил хорошо знавший Евгения Савойского английский посол в Вене швейцарец по происхождению Франсуа-Луи Сен-Сафорин, принц был прежде всего человеком долга и заботился о своей репутации в этом смысле: «Евгений Савойский не сделает ни одного шага против трона, которому он служит»⁵.

На славу Евгения Савойского как миролюбивого военного и политического деятеля все же накладывалась его слава как победителя в войнах, замечает современный немецкий историк Х. Духхардт. Особенно авторитет принца вырос в результате страха европейских дворов перед химерой бурбоновской «универсальной монархии». Кроме того, Духхардт отвергает часто бытовавшее мнение, которое возникло под влиянием «Мемуаров» герцога Сен-Симона, о том, что Евгений Савойский воевал против Франции исключительно из жажды мести⁶. Известный австрийский историк К. Воцелка, отмечая, что фигура Евгения Савойского, «героя и философа», очень важна для исторического самосознания Австрии XVIII в., напоминает читателю о том, что тот был героем многих популярных гравюр и ряда народных песен. Хотя в XIX в. Евгения Савойского часто изображали патриотом Габсбургской монархии и немецкого народа, это не соответствовало, по мнению Воцелки, действительности. Во времена национал-социализма преданный Габсбургам французский принц стал героем германского национального движения и символом «немецкости», его именем были даже названы дивизия СС и тяжелый крейсер⁷.

Время, в которое жил и действовал Евгений Савойский, характеризовалось в европейской политике «конкуренцией государств» и «соперничеством государей». Экспансия французского короля Людовика XIV, в которой проявлялась, по крайней мере, в глазах многих современников, тенденция к созданию «универсальной монархии», показала неприятие ее большинством европейских государств. Войны становились коалиционными, подвергавшимися военной и политической координации, со сменой партнеров и перегруппировками⁸.

В те годы, когда молодой Евгений Савойский поступил на службу к императору Леопольду I (1658—1705 гг.), перспективы Священной Римской империи казались многообещающими. Созданная мощная армия могла успешно противостоять французским войскам на западе и победоносно действовать против турок на востоке⁹. Для Габсбургов, особенно после отказа от претензий на испанский трон, стало первостепенным делом сохранение трона не только по мужской, но и по женской линии, что выразилось в усилиях Карла VI добиться признания имперскими чинами и иностранными государствами Прагматической Санкции 1713 г., устанавливавшей такой порядок

наследования престола, согласно которому он передавался в случае отсутствия прямых наследников по мужской линии дочери императора Марии Терезии (годы правления с мужем Францем I 1745—1765, с сыном Иосифом II 1765—1780)¹⁰. Во многом усилия Габсбургов были вызваны необходимостью вести войну на нескольких фронтах. Фактически от Трансильвании до Южных Нидерландов Вена не могла проводить сколько-нибудь эффективную политику без помощи союзников и вне коалиций, участники которых не всегда желали усиления Габсбургов и часто опасались возрождения былого могущества Австрийского Дома в духе державы Карла V. Поэтому, например, ведя войны с турками, Австрия была вынуждена отступить перед натиском армий Людовика XIV на Рейне или в Италии. Используя моральный эффект побед над турками, Леопольд I мог выступить в качестве защитника Священной Римской империи против французской агрессии, особенно после того, как в результате «Славной революции» 1688—1689 гг. английский король Вильгельм III Оранский (1688—1702 гг.) стал арбитром Европы, не желавшим усиления ни Бурбонов, ни Габсбургов, но пошедшим на союз с Веней с целью не допустить установления гегемонии Франции в Европе¹¹.

Революция в военном искусстве 1560—1660 гг., выразившаяся в усилении огневой мощи, то есть более широком использовании огнестрельного оружия, применении больших кавалерийских подразделений при атакующих действиях, и, наконец, завершившаяся переходом от средневековых ополчений через наемные войска к рекрутским наборам и резкому возрастанию военных расходов, привела к большим изменениям в политической и социальной сферах¹². Создание имперской армии требовало от Габсбургов большого искусства и терпения. Огромные армии, созданные с помощью рекрутских наборов, могли достигать 400 тыс. человек. Во время боевых действий, особенно в сражениях, армии несли огромные потери в людской силе и вооружении. Восполнение этих потерь требовало от правительств колоссальных расходов. Растущая милитаризация вела к ослаблению гражданского контроля за армиями и делала их более автономными, что особенно заметно на примере деятельности герцога Мальборо и Евгения Савойского¹³.

Эпоха «кабинетных войн» была также эпохой династических войн, ставивших целью как возвеличение славы династии, так и сохранение сложившегося равновесия сил между великими державами. В то же время армия становилась самостоятельной частью социальной системы, требовавшей иных правовых норм и правил, нежели гражданская сфера. Сами по себе битвы в целом не решали исхода международных конфликтов, и поэтому полководцы должны были быть искусными политиками. Но, являясь сильным инструментом власти, армии способствовали и укреплению абсолютистских тенденций¹⁴. В этих условиях и появляется фигура Евгения Савойского, выдающегося полководца и политика нового типа, верного династии Габсбургов в отличие от Валленштейна. Принц Евгений был воплощением и нового типа аристократа и дворянина в абсолютистском государстве, подданного монархии, отличного от аристократа и дворянина сословного общества, связанного с монархом лишь ленно-вассальными узами и отстаивавшего свои сословные привилегии¹⁵.

Евгений Савойский согласно своей принадлежности к дому Суассонов и Бурбонов был подданным французской короны и одновременно принцем крови, но вся его военная и политическая карьера была связана с подданством Габсбургам. Прадедом Евгения Савойского был тот граф Суассон, который принадлежал к боковой линии Бурбонов. Его дочь, Мария де Бурбон, получила в наследство титул графов Суассон и передала его своему старшему сыну, от которого титул перешел к отцу принца Евгения. Мать Евгения, Олимпия Манчини, приехала в Париж в 1647 году. Юный Людовик XIV сначала влюбился в нее, а затем в ее сестру Марию. Но его женили на испанской инфанте Марии Терезии, в придворный штат которой попала Олимпия, сочетавшаяся позднее браком с графом Эженом Морисом де Суассоном. Сама Олимпия стремилась блистать при дворе, но столкнулась с первой

официальной любовницей молодого короля Луизой де Лавальер, что закончилось удалением Олимпии от двора, равно как и ее мужа, который нашел утешение на военной службе. Одно время он был губернатором Шампани, но по просьбе принца Конде возвращен в Париж. Эжен Морис умер от ран в 1673 г., а Олимпии король посоветовал отправиться в добровольное изгнание в 1680 году.

О детских и юношеских годах Евгения Савойского известно мало. Во всяком случае, при дворе им откровенно пренебрегали. Людовик XIV смотрел на него как на не заслуживающего внимания «дебоширящего» маленького гнома, имея в виду его маленький рост. Понимая, что сыну отправившейся в изгнание интриганки вряд ли можно было рассчитывать на что-либо при французском дворе, принц Евгений в 1683 г. бежал в Австрию на службу к Габсбургам, воодушевившись широко распространившимися по Европе лозунгами борьбы с турками за христианскую веру. Другое соображение было весьма практическим — состоявший на службе у Габсбургов родственник Суассонов маркграф Людвиг Вильгельм Баденский мог оказать ему поддержку. Олимпия Суассон также рассчитывала на помощь испанского посла в Вене маркиза Боргоманеро, происходившего из итальянского княжеского Дома Эсте. Прибыв в Пассау, на границе Баварии и Австрии, принц Евгений получил с помощью Боргоманеро аудиенцию Леопольда I, на которой тот обещал юному беглецу свое покровительство. Затем Евгений Савойский отправился к Вене в действующую армию под командой герцога Карла Лотарингского, то есть туда, где ему грозили как опасности и смерть, так и мерцал блеск славы¹⁶.

К тому времени турки уже почти месяц осаждали Вену, положение которой становилось критическим. Судьба австрийской столицы висела на волоске. Император уехал в Пассау, откуда вел переговоры с германскими князьями и европейскими монархами о создании коалиционных войск с целью отражения турецкой угрозы. Во многом вопрос о создании коалиции решился позицией ряда германских курфюрстов, владениям которых турки могли угрожать в ближайшем будущем, прежде всего Баварии и Саксонии, а также польского короля Яна Собеского. 12 сентября 1683 г. союзная армия, левым крылом которой командовал Карл Лотарингский, а правым — Ян Собеский, обратила турок в бегство. Именно в этом сражении молодой Евгений Савойский проявил необыкновенную храбрость, сражаясь под непосредственным командованием курфюрста Баварского Макса II Эмануэля и попав на глаза Карлу Лотарингскому¹⁷.

Европу охватило воодушевление в связи со снятием осады Венны, но многие союзники императора сочли свою задачу выполненной и распустили свои армии. Ян Собеский двинулся вслед за отступившими турками. При взятии Эстергома, резиденции примаса католической церкви в Венгрии, Евгений Савойский вновь отличился. Он был полон решимости и дальше сражаться с турками, когда в марте 1684 г. по инициативе папы Иннокентия XI была провозглашена Священная Лига в составе Империи, Польши и Венеции. Армия под командованием Карла Лотарингского и маркграфа Баденского двинулась по направлению к Буде. При штурме Буды Евгений Савойский был ранен, но вскоре вернулся в строй. Поход 1684 г. все же закончился бесславно, поскольку у союзных войск не хватило средств и людей, чтобы вытеснить турок из Венгрии. Кампания была продолжена в следующем году, и именно тогда Евгений Савойский получил звание генерала. Кампания 1686 г. завершилась взятием Буды.

Успехам императорских войск благоприятствовала международная ситуация. Московское царство, присоединившееся к Священной Лиге, и Речь Посполитая заключили «Вечный мир». Созданная в это же время против Людовика XIV Аугсбургская лига облегчила Леопольду I действия против турок. Рейхстаг согласился выделить императору значительную сумму на содержание армии, воюющей с турками. Фортуна благоприятствовала и военной карьере Евгения Савойского. Леопольд I стремился развить военные

успехи, что выразилось не только в политике по укреплению австрийских позиций в Венгрии, но и в дальнейшем наступлении к югу от Буды. Изгнание турок из Венгрии означало бы движение на Белград, важнейшую в стратегическом отношении крепость в Среднем Подунавье. В кампании 1687 г. Евгений Савойский снова проявил себя с наилучшей стороны. Армия Карла Лотарингского на пути к Белграду нанесла 12 августа поражение туркам в сражении у местечка Надьхаршань. В нем значительную роль сыграла возглавляемая Евгением Савойским кавалерия. От императора он получил звание фельдмаршала-лейтенанта, испанский король наградил его орденом Золотого Руна (высший орден Испании), а герцог Савойский Виктор Амедей II пожаловал своему родственнику два аббатства в Пьемонте. И так, Евгений Савойский приобретал опыт боевого генерала и славу одного из освободителей Европы от турок¹⁸.

Карл Лотарингский двинул свою армию в Трансильванию, которая вскоре была объявлена свободной от османского владычества. Осенью 1688 г. имперская армия под командованием Макса Эмануэля Баварского захватила Белград. Во время боевых действий Евгений Савойский был тяжело ранен, но вскоре вернулся в строй. Казалось, что наступает конец османскому владычеству на юго-востоке Европы. Успехи имперских войск в борьбе против турок беспокоили французского короля, опасавшегося, что Габсбурги вернут себе захваченные французскими войсками территории в прирейнской Германии и Южных Нидерландах. Но в Вене были напуганы активными действиями французских войск на западе и постарались спешно перебросить значительные воинские контингенты на Рейн, в Южные Нидерланды и в Италию.

Война на два фронта казалась венским политикам невозможной. Переговоры с турками были безуспешными. В октябре 1690 г. был потерян Белград. В первой половине 1690-х годов решительных изменений на Балканах в пользу Вены не произошло. Основные усилия имперских войск и габсбургской дипломатии были сосредоточены на западе Европы¹⁹.

Леопольд I решил в этой ситуации обратить основное внимание на укрепление имперско-французской границы на Рейне и в Северной Италии, где проводил двойственную политику в целях сохранения своих владений герцог Савойский Виктор Амедей II. Для Империи сохранение имперских владений в Северной и Южной Италии накануне и во время войны за испанское наследство 1701—1714 гг. было чрезвычайно важным, поскольку земли на севере Италии непосредственно граничили с Австрией. Поэтому соседство с возможными французскими владениями или владениями союзников Франции, а таковой являлась Испания при Филиппе V Бурбоне, внуке французского короля Людовика XIV, могло быть опасным с военно-стратегической точки зрения. Вена готова была уступить Испанию, но только не Италию. Итальянская кампания Евгения Савойского в 1691—1696 гг. весьма примечательна. Военно-политическое положение складывалось так, что к началу 1690-х годов ввиду усилившейся активности Франции (война за Пфальцское наследство или Девятилетняя война 1688—1697 гг.) обстановка осложнялась тем, что избежать войны на два фронта Леопольду I не удалось. В феврале 1689 г. он отклонил требования турецкого султана, сводившие фактически на нет успехи австрийского оружия в 1680-е годы. Решение императора не одобрялось многими его советниками и приближенными, в том числе и Евгением Савойским. Германские государи, ранее предоставлявшие помощь императору в войнах с турками, например, Макс Эмануэль II, отказывались участвовать в войнах против Людовика XIV, не желая усиливать позиции императора и преследуя свои интересы. 18 апреля 1690 г. умер в возрасте сорока семи лет один из лучших на то время полководцев имперской армии генералиссимус герцог Карл Лотарингский. Рейхстаг не соглашался выделить императору деньги и солдат. Военное положение к осени 1696 г. ухудшилось после того, как герцог Савойский вышел из антифранцузской коалиции. Тем не менее терпеливость и осторожность Леопольда I в конечном счете способствовали укреплению позиций Вены и усилению имперского патриотизма²⁰.

Перед небольшой армией Евгения Савойского была поставлена весьма сложная задача. С одной стороны, она определялась усилившимся интересом императора и венских политиков к Северной Италии, с другой стороны, осуществление целей габсбургской политики там затруднялось двойственной позицией Виктора Амедея. Уже тогда начались интриги вокруг наследования испанского престола. Больной и бездетный испанский король Карл II не имел наследников, и, поскольку империя Карла V никак не могла быть согласно условиям Вестфальского мира восстановлена, сын Леопольда I эрцгерцог Австрийский Карл мог стать только владельцем Испании с колониями и Испанских Нидерландов, тогда как испанские владения в Италии могли быть отданы французскому наследному принцу с оговоркой, что Ломбардия может быть обменена на Лотарингию или Савойю. Вена проявляла растущий интерес к Италии, настаивая на старых имперских правах в северных и центральных землях Италии и требуя возобновления инвеституры, то есть введения в держание, и уплаты контрибуций со своих итальянских вассалов. В начале мая 1690 г. был заключен союз императора с Виктором Амедеем, который, однако, уже тогда колебался в своей политике между Веней и Версалем. На участии имперских войск в итальянской кампании особенно настаивал английский король, рассчитывавший восстановить равновесие сил в Европе и ослабить влияние Франции. Очевидно, император рассчитывал на то, что Евгений Савойский сможет не допустить захвата французскими войсками Италии, хотя сказал Евгению Савойскому, что средств для ведения военных действий в Италии будет мало, так как французы перешли в наступление в Провансе и в Нидерландах²¹.

Положение имперской армии в Северной Италии было очень сложным не только из-за недостатка людей и средств у Евгения Савойского. Изменчивая политика Виктора Амедея II не давала особых надежд на решительное изменение ситуации. Традиционный подход к изучению политики герцога Савойского заключался в том, что победы французской армии при Стаффарде в 1690 г. и Ла Марсалье в 1693 г. заставили Виктора Амедея пойти на переговоры с французской стороной и заключение мира в Турине в 1696 году. Евгений Савойский стремился одержать победу над французами, но поход 1693 г. в Италию сил союзников начался очень поздно, что позволило маршалу Катина укрепить свои позиции и с армией в 40 тыс. человек успешно противостоять им. 4 октября в битве при Ла Марсалье французская армия нанесла поражение союзникам, потерявшим 5,5 тыс. человек. Это было первое сражение, в котором Евгений Савойский участвовал в звании фельдмаршала. Если оценивать ситуацию объективно, необходимо все же отметить, что действия союзников в Северной Италии сковали большую французскую армию, что облегчило положение англо-голландской и имперской армий в Южных Нидерландах и на Рейне. Итоги итальянской кампании 1691—1696 гг. были малоутешительными — два поражения и ни одной значительной победы! Неблагоприятная расстановка сил и уход испанских войск из Италии в ноябре 1696 г. подтвердили, что надеяться на успех было практически невозможно. Но главную задачу, то есть сковывание значительных сил противника в Северной Италии, Евгений Савойский выполнил. Теперь он рвался доказать свою преданность Дому Габсбургов туда, где можно и нужно было одерживать решительные победы²².

Сближение с Московским царством, Туринский договор с Францией 1696 г. и начавшиеся в мае 1697 г. переговоры в Рисвике между антифранцузской коалицией и Францией, завершившиеся подписанием 30 октября того же года Рисвикского мира, облегчили императору подготовку значительной армии для войны с турками. Сменив ничем себя не проявившего курфюрста Саксонского Августа Сильного, который был избран в 1696 г. польским королем, Евгений Савойский стал главнокомандующим армией, действовавшей против турок. Необходимость решительно выступить против турок диктовалась также тем, что французская дипломатия подстрекала Стамбул выступить против имперских войск на Балканах и в Венгрии. Одновремен-

но венгерская оппозиция подняла очередное восстание. Оперативные действия Леопольда I по мобилизации сил Священной Лиги на войну с турками оказались весьма успешными. Верный союзническому долгу царь Петр I готовился к походу против турок. Для военной карьеры Евгения Савойского складывалась исключительно благоприятная ситуация. Поскольку маркграф Людвиг Баденский был перемещен на западный фронт, граф Гундакер Штаремберг предложил на эту должность Евгения Савойского. Назначение состоялось и в мае 1697 г. войска Священной Лиги выступили в поход. В докладах Гофкригсрату (Придворному Военному Совету) по пути движения войск к Петервардауну (Петервараду) принц Евгений подробно и детально, как он будет делать впоследствии всегда, сообщал о состоянии своей армии и передвижениях турок. Его письма императору в июле—августе отличаются чисто военной точностью и четкостью и дышат оптимизмом, которого не хватало в первой итальянской кампании. Евгений Савойский ни на что не жаловался и рвался в бой²³.

11 сентября турецкая армия начала готовиться к переправе через реку Тису близ городка Зента. Сначала переправилась тяжелая кавалерия, за которой должны были последовать артиллерия и пехота. Именно в этот момент Евгений Савойский совершил с 50-тысячной армией решительный маневр, начав атаку против пехоты противника. Переправлявшиеся турки были обстреляны из артиллерийских орудий. Попытки великого везира Мехмеда Алмаса спасти пехоту не увенчались успехом. Потери османской армии в этом сражении достигли 25 тыс. человек, погиб и великий везир. Султан Мустафа II бежал в Темешвар (Тимишоару). Битва при Зенте принесла Евгению Савойскому славу победителя турок, в ореоле которой он одерживал победы и далее, и звание генералиссимуса австрийских войск. В честь этой победы была выбита медаль с портретом полководца. Реакция Людовика XIV была немедленной: он пошел на подписание мирного договора в Рисвике 30 октября 1697 года. Между тем, 17 ноября того же года Евгений Савойский торжественно въехал в Вену под восторженные клики ее жителей. Император сделал победителю турок подарки в размере 10 тысяч талеров. Начавшиеся в октябре мирные переговоры завершились 26 января 1699 г. подписанием Карловацкого (Карловицкого) мира, согласно которому Стамбул признавал власть Габсбургов над Венгрией и Трансильванией (кроме Темешвара), большей частью Славонии²⁴.

Вернувшись в Вену в конце 1698 г., молодой, но уже знаменитый полководец не занимался в силу сложившихся обстоятельств подготовкой к новым походам, так как на западе и на востоке Европы установился мир, хотя и непродолжительный. Он занялся устройством своей жизни согласно вкусам и представлениям, которые у него сформировались еще во время зимних перерывов между походами и которые теперь можно было реализовать за счет пожалований и подарков императора. Именно в это время Евгений Савойский стал серьезно заниматься коллекционированием книг и рукописей и интересоваться музыкой и искусствами²⁵.

Но мирная жизнь длилась недолго. 1 ноября 1700 г. скончался бездетный испанский король Карл II. Названный в его завещании ранее в качестве наследника сын курфюрста Баварского Иосиф Фердинанд умер в 1699 г., что создало сложную ситуацию в вопросе о престолонаследовании. Претендентами на испанский трон стали племянник короля эрцгерцог Австрийский Карл (будущий император Карл VI) и внучатый племянник Филипп Анжуйский. 7 марта 1701 г. в Гааге между Империей, Англией и Соединенными провинциями был заключен договор об объявлении войны Людовику XIV и предложении нового варианта раздела наследства Карла II, при котором Филипп V Анжуйский оставался все же испанским королем. Политическая коалиция скреплялась военным договором, согласно которому должны были проводиться согласованные военные действия имперской армии под командованием Евгения Савойского и армии морских держав под командованием герцога Мальборо²⁶.

Новая итальянская кампания принца Евгения была решительным ответом Вены на действия французов. В феврале 1701 г. он получил приказ двинуться со своей армией в Северную Италию. 9 июля этого же года Евгений Савойский нанес поражение французской армии под командованием маршала Катина при Карпи. 1 сентября в бою у Ольо близ Чьяри он нанес поражение сменившему Катина другому французскому маршалу, Вильруа. В 1702 г. Евгений Савойский весьма успешно действовал со своей армией в Северной Италии. Успехи принца Евгения воодушевляли Вену, однако, необходимая помощь поступала к нему не сразу. Далее Евгений Савойский планировал снять осаду Мантуи французской армией под командованием герцога Луи Вандомского, двоюродного племянника Людовика XIV. Прошедший бой под Луццарой 15 августа завершился победой французов. Герцог Вандомский одерживал победы над имперскими войсками также в 1703 и 1705 годах. Правда, положение в Северной Италии не изменилось ни в ту, ни в другую сторону. В любом случае, 1702 г. показал недостатки австрийской военной машины из-за нехватки финансов и людских резервов. В начале 1703 г. Евгений Савойский сдал командование графу Гвидо Штарембергу и уехал в Вену. Положение же в Северной Италии оставалось неопределенным. Тактика Евгения Савойского заключалась в том, чтобы потерять как можно меньше людей и с помощью разнообразных маневров избегать прямых столкновений с превосходящими силами противника²⁷.

Отзыв Евгения Савойского в Вену был вызван тем, что император решил направить его на германский участок военных действий. К этому времени окончательно определилась позиция Макса Эмануэля Баварского, раздосадованного тем, что испанская корона «уплыла» из рук Виттельсбахов. Надежды на то, что корона Габсбургов может оказаться в руках Виттельсбахов, в принципе также были призрачными. Оставался шанс утвердиться на посту наместника (штатгальтера) в Испанских Нидерландах. Курфюрст Баварский сделал выбор в пользу Франции, надеясь удержать этот пост за собой. В 1701 и 1702 гг. он заключил договоры с Людовиком XIV и получил значительные денежные суммы на содержание баварской армии²⁸. Совместные действия Макса Эмануэля и войск французских маршалов Виллара и Таллара вызвали беспокойство Вены и ее союзников. Но Макс Эмануэль, горделивый и заносчивый, не нашел общего языка с Вилларом. К тому же герцог Савойский Виктор Амедей в очередной раз оставил своих французских союзников и пошел на сближение с антифранцузской коалицией, что вызвало ослабление позиций Франции в Южной Германии. В этой обстановке Евгений Савойский был назначен в конце июня 1703 г. председателем Гофкригсрата, в качестве которого он оставался до конца своей жизни. Этим назначением он был обязан покровительству римского короля и будущего императора Иосифа I. Покровительство Иосифа, живого и темпераментного, ловеласа и бонвивана, страстного ненавистника Франции, во многом помогало Евгению Савойскому на посту председателя Гофкригсрата. Ему приходилось преодолевать косность и малоподвижность в органах управления при Леопольде I с их старым австрийским принципом пускать дела на самотек. В начале войны за испанское наследство этот принцип показал свою несостоятельность, особенно, когда обнаружилось, что армии Евгения Савойского в Италии не хватало денег, провианта и солдат. Именно поэтому были уволены председатель казначейства граф Залобург и президент Гофкригсрата граф Мансфельд, а на их места были назначены соответственно Гундакер Штаремберг и Евгений Савойский. Гофкригсрат разработал по согласованию с герцогом Мальборо стратегию, которая должна была привести к перелому в войне в пользу союзников. Но старые советники Леопольда не сдавались, Иосиф даже был отстранен от участия в военных советах, в результате чего Евгений Савойский пригрозил отставкой. Большую роль в деятельности Евгения Савойского играло также участие в выделенной из Тайного Совета еще старым императором Тайной Канцелярии, членами которой были наиболее доверенные советники: кроме Евгения Савойского, в Тайной Кан-

целярии состояли гофканцлер граф Зинцендорф и имперский вице-канцлер Фридрих Карл фон Шенборн ²⁹.

Одним из первых шагов нового президента Гофкригсрата была организация в начале 1704 г. похода в Италию. В июне 1704 г. в письме графу Гвидо Штарембергу Евгений Савойский сообщал о переговорах в Англии с целью получения денежных кредитов и о разработке планов маневров с тем, чтобы обойти знаменитую линию Вобана. Кампания, как видно, замышлялась на два фронта — на юге Нидерландов и в Италии. Между тем, Макс Эмануэль в декабре 1703 г. захватил Аугсбург и вторгся в Нижнюю Австрию, откуда открывался прямой путь на Вену. На востоке венгерские повстанцы под руководством трансильванского князя Ференца Ракоци, подстрекаемого французским королем, начали совершать рейды в направлении Вены. Возникли серьезные опасения, что баварская армия и повстанцы Ракоци смогут объединиться в самом сердце Австрии. Угроза объединения баварских и венгерских сил вынудила Мальборо двинуться со своей армией вопреки мнению голландских чиновников в Баварию, куда также спешила дополнительная французская армия под командованием Таллара. Мальборо успешно взаимодействовал с савойцем и подумывал о том, где и как лучше объединиться с имперской армией. Разногласия между маршалом Вилларом и Максом Эмануэлем закончились тем, что Людовик XIV заменил Виллара более сговорчивым Марсеном. Успешная операция близ Маастрихта и удачная осада Бонна вдохнули надежды на успех в герцога Мальборо. Эти надежды подкреплялись также известиями о действиях имперских войск под командованием Евгения Савойского в Северной Италии. Мальборо намеревался, не вступая в крупные сражения, устремиться на соединение с армией Евгения Савойского. Главная цель заключалась в занятии Баварии и максимальном ослаблении армии Макса Эмануэля. Герцог, конечно, рисковал в случае неудачи своей военной и политической карьерой, ибо в Лондоне и Гааге не были согласны с его планами. Он прекрасно понимал, что задуманная им и Евгением Савойским кампания являлась единственной реальной возможностью ослабить Францию. В письменном виде этот план был впервые оформлен 21 апреля 1704 г. Мальборо и графом Вратиславом раньше, чем об этом узнали император и главнокомандующий имперской армией в Южной Германии маркграф Баденский. Маркграф не согласился с идеей захвата Баварии и выступил за переговоры с Максом Эмануэлем. В конечном счете он со своей армией покинул ряды союзников ³⁰.

5 мая Мальборо двинулся маршем на юг и через три дня достиг Кобленца, где он впервые лично встретился с Евгением Савойским. Красавец Мальборо, храбрый, но рациональный и расчетливый, увидел человека маленького роста, похожего на монаха, но страстного и геройского импровизатора на поле боя. Современники заметили, что оба они прониклись взаимной симпатией, понимали друг друга с полуслова, причем Евгений Савойский там, где основная военная идея принадлежала английскому полководцу, признавал его первенство, что вообще довольно редко встречается в жизни. Из Кобленца началось движение союзных войск в Баварию. Хотя союзникам удалось переправиться через Дунай у Донауверта, кампания грозила затянуться, так как франко-баварская армия заняла прочную оборонительную позицию под Аугсбургом. 12 августа имперская и англо-голландская армии объединили свои силы и их общая численность достигла 53 тыс. человек. Франко-баварские войска не ждали сражения, так как с таким количеством солдат вряд ли кто мог решиться начать наступление. Но Мальборо и принц Евгений решили 13 августа двинуться маршем на позиции противника и начать решительное сражение. Союзники перешли в наступление, когда франко-баварская армия еще не закончила работы над оборонительными сооружениями. Сражение, затянувшееся до поздней ночи, завершилось победой союзников. Это было сражение на полное уничтожение противника. С обеих сторон пало по разным оценкам от 11 до 12 тыс. человек, в руках союзников оказалось 11 тыс. пленных, среди которых был и маршал Таллар, и 150 орудий. Победа

при Хохштедте (в английской традиции — Бленхайме) принесла лавры победителя и европейскую славу не только Мальборо, но и Евгению Савойскому, поскольку изменила соотношение сил в войне за испанское наследство. Опасность прорыва франко-баварской армии к Вене была предотвращена. Это была первая по-настоящему крупная победа сил антифранцузской коалиции в этой войне ³¹.

Император пожаловал герцогу Мальборо титул имперского графа и поместье Миндельхайм. Английский парламент подарил ему манор Вудсток близ Оксфорда и денежную сумму в размере 1 млн фунтов стерлингов. Возрос и авторитет Евгения Савойского. Он был воодушевлен успехом и писал 15 и 16 августа 1704 г. из Южной Германии римскому королю Иосифу Габсбургу, и императору, что он ничего не желал более, как заслужить их «благодарность и милость», мало того, он передавал свои «всепокорнейшие поздравления Вашему императорскому Величеству». В то же время он не пытался приписать всю победу себе, а информировал своих корреспондентов о помощи, полученной им от Мальборо ³². Действительно, он везде и всюду стремился показать себя человеком долга и «королем учтивых людей»!

Осенью этого же года Мальборо согласовал с Иосифом и Евгением Савойским план проведения в ближайшем году военного похода в Италию. Южная Германия была очищена от французских войск. 30 декабря 1704 г. Евгений Савойский въехал в Вену. Между тем, при дворе старого императора борьба за власть и влияние не только не ослабла, но и усилилась. Принц Евгений и граф Вратислав пытались усилить свое влияние, но этому противились старые министры. Заседания Тайной Канцелярии проходили в обстановке постоянных дискуссий и враждебности соперничающих партий. Эти столкновения напоминали худшие времена начала 1690-х годов и мешали Евгению Савойскому осуществлять запланированную им и герцогом Мальборо подготовку к новому итальянскому походу.

Итальянскому походу предшествовали значительные изменения в политике венского двора, связанные со смертью 5 мая 1705 г. Леопольда I и восшествием на престол Иосифа I. При Иосифе I принц Евгений достиг пика своей военной и политической карьеры, получив звание имперского генералиссимуса и имперского фельдмаршала, но император был склонен к удовольствиям, заводил многочисленных романов, финансовое положение короны при нем находилось в опасном положении. Лишь финансовая поддержка Англии в сумме 250 тыс. ф.ст. предотвратила финансовый кризис и дала возможность продолжать войну ³³. Иосиф I привел к власти членов «молодого двора», настроенного проводить реформы, но сам, как правило, не вникал в повседневные заботы управления. При нем были все же сокращены лишние чиновники и члены Тайного Совета, увеличены контрибуции.

Вскоре после восшествия на престол Иосифа I Евгений Савойский снова перешел Альпы и начал новую итальянскую кампанию. Иосиф I думал о том, чтобы защитить территориальные интересы Австрии в Италии. В Испании этого времени повсюду писали, что он заботится только о своих экономических семейных интересах, не защищая интересы его же брата эрцгерцога Австрийского Карла, провозглашенного частью испанской аристократии королем Испании под именем Карла III. В конце июня Евгений Савойский отправил императору реляции, в которых сообщал о продвижении своих войск в Ломбардии. В это же время он сообщал герцогу Мальборо, что намерен двинуться в направлении Милана, к которому уже стягивались войска противника под командованием герцога Вандомского. Евгений Савойский надеялся на помощь Пруссии и совместные действия с Англией и Голландией, «иначе эта война ничем хорошим не закончится». Когда Евгений Савойский в январе 1706 г. приехал в Вену, он нашел изменившуюся ситуацию, при которой ему чинили немало препятствий при дворе в процессе подготовки к новым военным кампаниям. Если в декабре 1705 г. он писал Иосифу I просьбы освободить его от командования ввиду недееспособности армии, то теперь его мнение изменилось главным образом из-за того, что он понял важность

казываться от испанского трона, но ситуация складывалась так, что ему пришлось это сделать и пойти на переговоры с Францией в Утрехте по этому вопросу. Он сам и оставшийся ему в наследство от брата кабинет министров были все же настроены продолжать войну с Францией исходя уже из интересов Австрийского Дома в Западной Европе. Серьезным ударом по этой политике мог бы стать публичный суд в Англии над Мальборо, к тому времени смещенным с должности главнокомандующего и со всех постов по обвинению в присвоении государственных средств. С целью спасения Мальборо в Англию был отправлен Евгений Савойский, авторитет которого и слава победителя турок и французов должны были бы спасти английского полководца от публичного позора. 5 августа 1712 г. Евгений Савойский прибыл в Лондон и поселился в доме своего соратника и друга. Его вынуждена была принять королева Анна, устроившая бал в честь именитого гостя. Во время беседы в министерстве финансов Евгений Савойский с документами в руках утверждал, что содержание 40-тысячной армии в Испании обойдется в 4 млн талеров ежегодно, причем Империя выставит 30 тыс. человек и потратит 1 млн талеров. Но правительство тори было настроено на мирные переговоры с Францией, так как его интересы не совпадали с настроениями в Вене³⁹.

В итоге миссия Евгения Савойского завершилась безрезультатно и 29 января 1712 г. начался мирный конгресс в Утрехте. Заключенный 11 апреля 1713 г. между Францией, Англией, Голландией, Португалией, Пруссией и Савойей мирный договор Австрия и Империя не подписали. В 1712—1713 гг. Евгений Савойский продолжал со своей армией вести военные действия в Нидерландах и на Верхнем Рейне, но после удачной летней кампании 1712 г. он стал терпеть неудачи. Понимая, что в одиночку добиться перелома в войне невозможно, принц Евгений стал советовать императору и венскому кабинету министров присоединиться к готовящемуся заключению мира в Утрехте. Но император продолжал упорствовать, думая о высоком предназначении династии Габсбургов. Между тем, Евгению Савойскому пришлось под натиском французов оставить в мае 1713 г. Южные Нидерланды и соединиться с императорской армией на Верхнем Рейне. Однако французское продвижение в Южной Германии ему все же удалось остановить. Положение было таково, что Евгений Савойский после согласования с императором начал в Раштатте переговоры с французами. Франция была сильно истощена войной, французские дипломаты соглашались на заключение мира с Империей на более выгодных для нее условиях, нежели в Утрехте. В итоге 6 марта 1714 г. в Раштатте был подписан мирный договор между Францией и Империей, знаменовавший для них окончание войны за испанское наследство. 7 сентября было подписано отдельное соглашение в Бадене между Францией и имперскими чинами. Хотя формально Карл VI не признал Филиппа V и не отказался от прав на испанский трон, передача во владение Австрии Испанских Нидерландов и испанских владений в Италии, завоеванных имперскими войсками (Милан, Неаполь, Сардиния, Тоскана), по существу означали косвенный отказ от испанской короны. Во время этих переговоров Евгений Савойский проявил качества блестящего дипломата, умея сдерживать эмоциональные порывы и хладнокровно рассчитывать свои ходы⁴⁰.

Казалось бы, Евгений Савойский находился в зените славы как самый крупный действующий полководец и в то же время миротворец Европы. Но имперская администрация больше была занята обеспечением наследственных прав габсбургской династии в Европе. Едва был подписан мирный договор в Утрехте и было далеко до договора в Раштатте, как Карл VI, будучи еще бездетным, попытался юридически урегулировать порядок наследования в Прагматической Санкции от 19 апреля 1713 года. Прагматическая Санкция была одобрена чинами наследственных земель Габсбургов, а затем император предпринял попытки добиться ее правового признания европейскими государствами⁴¹. Ко всему этому добавились распри и споры между немецкими, с одной стороны, и пользовавшимися особым покровительством императора испанскими и итальянскими советниками, с другой стороны. Карл VI

продолжал мечтать об испанской короне и лишь в 1725 г. официально признал Филиппа V.

Испанские советники видели в Евгении Савойском сильного противника и всячески пытались ослабить его положение при дворе. Позиции Евгения Савойского на некоторое время были серьезно ослаблены, и лишь его популярность как полководца и победы над турками помогали ему сохранить влияние в Хофбурге. Но избавиться от принца Евгения испанские советники не могли. Как смерть королевы Анны, так и смерть 1 сентября 1715 г. Людовика XIV могли изменить соотношение сил в Западной и Центральной Европе. Новый режим во Франции также мог вполне определить для себя новые ориентиры и цели.

Заключение Раштаттского и Баденского мира устранило только одну из военно-политических проблем Австрийского Дома, к которым имел касательство Евгений Савойский. Едва закончились военные действия на западе Европы, как возникли проблемы с новой войной против турок. Усилились претензии испанских Бурбонов в Италии, изменилась расстановка сил в ходе Второй Северной войны. Карл VI был последним императором, который вследствие своей особой озабоченности испанскими делами продолжал рассматривать имперскую политику, включая комплекс австрийских владений, как продолжение габсбургской великодержавной политики. Столкновение с испанской монархией в Италии было весьма опасным. Даже союз Вены с Лондоном, заключенный 5 июня 1716 г., не остановил испанцев, высадившихся на Сицилии и в Сардинии. Император, Англия и Франция провели своего рода полицейскую акцию, в результате которой Испания была принуждена к миру. Сардиния досталась Савойе, а император объединил под своей властью Неаполь и Сицилию, усилив свои позиции в Италии и, казалось бы, вновь вернув Империи ее блеск и могущество.

Политика Хофбурга объяснялась двумя факторами. С одной стороны, фактически уже определились две зоны непосредственного влияния двух самых крупных германских государств: Пруссия расширяла свое влияние на севере Германии, а Австрия на юге и западе Германии и на Балканах. К такой политике Вену побуждали, с одной стороны, усиление России на южном направлении, с другой стороны, активная политика Стамбула в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Кроме того, Вена продолжала рассматривать Османскую империю как врага христианской веры⁴². Повод для новой войны создал сам Стамбул. Состояние временного мира между Османской империей и Россией дало возможность Порте сосредоточить свое внимание на Балканах и Средиземноморье. Волнения местного населения на Пелопоннесе (Морее) против венецианцев давало повод Стамбулу для ревизии территориальных споров с Венецией. В декабре 1714 г. великий везирь Дамад Али Паша сообщил венецианскому послу об объявлении войны и дал венецианцам три недели для того, чтобы покинуть земли Османской империи. Расчет был прост: после захвата Морее турки рассчитывали двинуться в Венгрию. Но Венецианская республика потребовала от Австрии оказать ей помощь согласно договору о Священной Лиге 1684 года. В Вене отреагировали не сразу. Когда попытки добиться заключения мира между Турцией и Венецией не увенчались успехом, в Вене заговорили о военных акциях против Стамбула в расчете на разгром турок и даже вытеснение их из Европы. Тем временем турки без труда овладели Пелопоннесом и рядом крепостей на Крите.

Заверениям турецких послов о сохранении дружественных отношений с Империей Евгений Савойский не доверял и на заседаниях Тайной Канцелярии говорил о неизбежном столкновении с «наследственным врагом». Разумеется, подготовка к войне с турками должна была дорого обойтись австрийской казне, что было для нее постоянной проблемой. Эта проблема и в самом деле была очень болезненной: на модернизацию не только армии, но и государственного аппарата денег не хватало постоянно⁴³.

Наконец, партия немецких советников, возглавляемая Евгением Савойским и настроенная на решительную войну с турками, одержала верх над

незаинтересованными в войне испанскими советниками императора, который при всех колебаниях все же считал долгом чести вести священную войну против магометан. 14 апреля 1716 г. был подписан союзный договор с Венецианской республикой. Император потребовал от Стамбула вернуть Пелопоннес Венеции, на что тот ответил объявлением войны. В армии принца Евгения не было контингентов из Империи, только из австрийских владений, но, тем не менее, он предпринял решительный марш на юг. 15 августа он одержал блестящую победу над турками при Петервардаине и в следующем году овладел Белградом. Заключенный 21 июля 1718 г. при посредничестве Англии и Голландии мир в Пассаровице (Пожареваце) между Османской империей и Австрией укрепил позиции Вены на Балканах. Победа Евгения Савойского вызвала сильное воодушевление в католической части Империи. Принц купался в лучах славы победителя турок, а император восхвалялся как защитник христианской веры в борьбе против ее наследственного врага⁴⁴.

После заключения мира в Пассаровице внимание Евгения Савойского вновь было обращено на запад Европы, где он собирался нанести решающий удар Испании. Одновременно он задумывался над тем, как предотвратить возможность сближения Франции с Пруссией и Россией, чего очень опасались в Вене. Противовесом этому должен был, по мысли Евгения Савойского и его сторонников, стать австрийско-саксонско-ганноверский союз, который вследствие нахождения на английском троне ганноверского курфюрста превращался в четверной союз. Подписание этого по форме оборонительного союза состоялось 5 января 1718 г. в Вене. С имперской стороны его подписали Евгений Савойский и австрийский гофканцлер Зинцендорф.

Активизация имперской политики в Европе беспокоила Лондон, поскольку император являлся не только австрийским властителем, но и главой Священной Римской империи. Но именно это обстоятельство ослабляло позиции императора в большой европейской политике, ибо чисто австрийские интересы были больше ориентированы на Италию и Южные Нидерланды, что приводило их в конфликт с общеимперскими интересами. Дополнительные сложности создавали приехавшие из Испании советники Карла VI, заинтересованные в примирении с Филиппом V. Евгений Савойский стоял на стороне немецкой партии, как и Зинцендорф и президент придворной палаты Штаремберг. На многочисленных заседаниях принц Евгений, не отличавшийся ораторскими способностями, предпочитал больше молчать. Будучи большим ценителем искусств и меценатом, он вообще уделял своей службе как ведущего министра и президента Гофкригсрата не более двух часов в день. Конечно, его полем деятельности были прежде всего походы и битвы, а не кабинеты и канцелярии. Но время требовало от полководца быть одновременно и политиком. В подобном же духе действовал и Штаремберг, которому надлежало больше времени уделять служебным обязанностям. Упадок австрийской армии и постоянная нехватка денег во многом были следствием бездеятельности кабинета министров. Сам же Карл VI был больше озабочен проблемой согласия имперских чинов и европейских держав с Прагматической Санкцией 1713 года. Поэтому имперский вице-канцлер Шенборн не раз говорил о том, что в случае поражения Австрии Империя будет разграблена иностранными державами. Венцом этой политики императора были договоры 30 апреля и 1 мая 1725 г. с Испанией, согласно которым император отказывался от претензий на Испанию взамен признания Филиппом V Прагматической Санкции и отказа его от претензий на Южные Нидерланды, Милан, Неаполь и Сицилию⁴⁵.

Мешало ли утверждению Евгения Савойского как полководца, дипломата и политика, особенно во внутривосточных делах, его невольное положение как «чужого» в Австрии? Если учесть, что он всегда защищал интересы той группы министров, которая именовалась «немецкой» и занимала ведущие позиции в формировании собственно Австрийского государства в то время, можно сказать, что вряд ли⁴⁶. В то же время он не смог сосредоточить полностью в своих руках руководство внешней политикой Вены. Когда

же испанская партия потеряла свое влияние, дворцовая канцелярия вернула себе прежнее значение, причем проводником ее политики еще до конца жизни Евгения Савойского стал граф Бартенштейн, новый соперник в борьбе за влияние на императора. Евгений Савойский решал вопросы, связанные с назначением в Лондон, Париж и Санкт-Петербург послов, которые, естественно, видели в нем и Шенборне своих покровителей. Принадлежа к клиентам ведущих министров, эти послы работали порой не на общее дело, а главным образом на своих патронов. Важным направлением внешнеполитической деятельности Евгения Савойского было создание сети тайной дипломатии и тайных осведомителей при европейских дворах, снабжавших главу венской дипломатии разнообразной информацией. Созданную им систему тайной дипломатической переписки и ее шифровки считали одной из лучших в Европе; она позволяла получать достаточно достоверную информацию, свободную от разного рода инсинуаций и мистификаций. Во всяком случае, сближение Вены с Берлином и Петербургом, так сказать, «союз трех черных орлов», и ее определенное дистанцирование от Испании, породили опасения в Лондоне на предмет возможного военного конфликта. В мае 1730 г. к власти пришел Роберт Уолпол, установивший прямые контакты с Хофбургом в стремлении заключить новый антифранцузский союз, что и произошло благодаря усилиям Евгения Савойского — это был второй Венский договор от 16 марта 1731 года⁴⁷.

В 1720-е годы происходит окончательное сближение Евгения Савойского с Шенборном, объясняемое не только интересом обоих вельмож к архитектуре и парковому искусству, но и ухудшением отношений между принцем Евгением и Зинцендорфом. Собственно, общение с духовно богатым и общительным имперским вице-канцлером помогало Евгению Савойскому преодолеть некоторые прежние антипатии к Шенборну и давало возможность принцу понимать задачи и проблемы имперской администрации. Не исключено, что именно поэтому Евгений Савойский был сторонником разрушения идеи союза Пруссии с Англией, вследствие чего возник план женитьбы прусского кронпринца Фридриха (будущего короля Фридриха II) и Елизаветы Брауншвейгской⁴⁸. Стоит также вспомнить один любопытный эпизод в отношениях Вены и Берлина тех лет.

Именно для того, чтобы будущий прусский король не стал врагом императора, его воспитатель Эрнст Кристоф фон Мантейфель, по происхождению саксонец, использовался Евгением Савойским как доверенный агент при прусском дворе, много работавший в плане сближения прусского короля с императором. Увы, Фридрих II стал главным соперником Вены в имперских делах, стремясь установить равновесие в отношениях Пруссии с Австрией и укрепить положение своего государства на европейской арене. Но не допустить сближения Пруссии с Ганновером и, как следствие, с Англией, Евгению Савойскому все же не удавалось. Вместе с тем соблюдалось выгодное для Вены равновесие сил в борьбе против сближения морских держав с Францией. Подозрения относительно целей Ганновера и Англии ослабить Империю постоянно не покидали Евгения Савойского и приводили его к мысли о необходимости связать руки ганноверской династии, что и привело к заключению Венского договора 1731 года. Этот договор означал создание в определенной степени барьера на пути попыток министра иностранных дел Франции кардинала Флери изменить баланс сил в пользу Франции и предотвращение опасности новой войны. Принципиальный противник Франции Евгений Савойский стремился проводить линию на расширение союзных отношений с Пруссией, Россией, Данией, Швецией и рядом германских территориальных государств с целью создания противовеса Франции⁴⁹.

Но если на дипломатическом поприще во многом благодаря своей славе полководца Евгений Савойский имел определенные успехи, то во внутренних делах, там, где требовались постоянная рутинная работа и изворотливость, он чувствовал себя менее уверенно. Блестящий полководец, «король учтивых людей», прекрасно чувствовавший себя среди военных и диплома-

тов, меценат, знаток архитектуры, любитель искусств, ценитель прекрасного и изящного, он не мог долго и тщательно разбираться в экономических выкладках, скрупулезно проверять счета и документы, детально обосновывать сложные экономические решения. Разумеется, он был знаком с меркантилистскими теориями, о чем свидетельствуют его библиотека и выступления на заседаниях различных правительственных органов. Став к концу своей жизни одним из богатейших людей в Австрийской монархии благодаря подаркам императоров и военной добыче, он четко выполнял главный лозунг его учителя в военных делах Раймондо Монтекукколи «деньги, деньги, и еще раз деньги». Сам он и его офицеры нередко содержали солдат на собственные средства, а в случае успехов взимали с населения контрибуции. Получаемые из Вены субсидии могли расходоваться, в отличие от Англии, где парламент контролировал их использование, без всякого контроля — на военные нужды или в карман полководца. Будучи сам мастером интриги, часто успешно противостоявшим направленным против него интригам, в вопросах ведения войны он был несокрушимым. Но когда необходимо было заняться реформами армии в мирное время, он не оказался способен позаботиться об ее финансовом обеспечении. Так что Евгений Савойский несет свою долю ответственности за упадок, в котором оказалась императорская армия в 20-е—30-е годы XVIII в., как раз в то время, когда он в годы постоянной инфляции и увеличивавшегося налогообложения вложил свои огромные богатства в вечные, можно сказать, ценности — поместья, дворцы, замки, горные промыслы, коллекционирование предметов искусства и в библиотеку. Впрочем, на его средства строились крепости на юго-восточном фланге австрийских владений, дом инвалидов в Будапеште и т.д.⁵⁰

Но параллельно строительному буму в Вене, в котором участвовали и другие австрийские вельможи, стремительно росли расходы на армию, требовавшую значительной модернизации. Если в 1700 г. государственный долг достиг суммы от 24 до 25 млн флоринов, то в 1740 г. он равнялся 48 млн флоринов. Налоги на содержание армии находились на отметке около 12 млн флоринов, а расходы на уровне 32 млн флоринов. Разница покрывалась за счет иностранных займов. В 1731 г. армия была сокращена на 50 тыс. человек, причем были уволены многие опытные офицеры и ветераны, что нанесло ущерб ее моральному духу, тогда как постоянные войны и растянувшиеся границы требовали увеличения армии. Это удалось сделать, но многие офицеры и солдаты не имели боевого опыта. Если в начале войны за польское наследство она насчитывала 120 тыс. человек, то в 1740 г. — 157 тыс. человек. Евгений Савойский пытался без особого успеха ограничить рост армии. Почему, порой непонятно. Но дело даже не в этом, а в том, что он ничего не сделал для реорганизации войск, что после его смерти обернулось поражениями в Силезских войнах с Фридрихом II⁵¹.

Не лучшим образом осуществлял Евгений Савойский и управление отдельными территориями Австрийской монархии в качестве генерал-губернатора или штатгальтера. Уже перед очередной турецкой войной он становится штатгальтером Австрийских Нидерландов, где сразу же сталкивается с тяжелой финансовой проблемой, когда государственный долг подвластной ему территории равнялся 20 млн гульденов. Но по существу должность штатгальтера была скорее sinecurой, не дававшей значительных политических прав. Так или иначе его правление в Австрийских Нидерландах закончилось почетной отставкой. В начале 1725 г. Евгений Савойский окончательно отбыл из Брюсселя в Вену⁵².

Между тем здоровье 60-летнего принца стало ухудшаться. Постоянные походы, жизнь порой в неблагоприятных условиях, частые стрессы и простуды начали сказываться. Конечно, непрерывные интриги при венском дворе также сделали свое дело. В 1720-е годы Евгений Савойский уже не мог вернуть себе того безоговорочного влияния, которым он пользовался между 1714 и 1718 годами. Он неохотно включался в какую-либо напряженную работу и начал питать слабость к «лукулловым пирам». Кроме того, он стал меньше уделять внимания решению задач улучшения положения Австрии⁵³.

В начале 1730-х годов Австрия ввязалась в войну за польское наследство. Карл VI и российская императрица Анна Иоанновна поддержали в борьбе за польский трон курфюрста Саксонского Фридриха Августа II в противовес поддерживавшемуся Францией графу Станиславу Лещинскому. Но дело заключалось в том, что политика венского двора в эти годы уже до такой степени была изменчивой, склонной к чередованию различных альянсов, что рано или поздно она должна была зайти в тупик. Наметились противоречия не только с Францией, но и с Испанией и с Пруссией. Прусский король Фридрих Вильгельм I теперь начал склоняться к сближению с Францией из-за того, что Хофбург всячески препятствовал притязаниям Берлина на княжество Юлих-Берг. Сам император колебался в определении внешнеполитического курса, слушая советы Евгения Савойского и Зинцендорфа, которого нередко подкупали испанские советники Карла VI. Ранее друживший с Евгением Савойским Штаремберг стал от него отдаляться, а отставка Шенборна с поста имперского вице-канцлера еще более ослабила позиции Евгения Савойского. При дворе большое влияние начал приобретать Бартенштейн. В итоге австрийская политическая машина не могла предпринимать решительные и быстрые действия в критических ситуациях, а вести войну без иностранных субсидий вообще оказалась не в состоянии. Как результат война за польское наследство 1733—1735 гг. и турецкая война 1737—1739 гг. закончились для Австрии неудачно. Франция объявила войну императору и России 10 октября 1733 года. Надежды на финансовую помощь Англии и Голландии оказались несостоятельными, из-за чего недовольство императора обернулось против как Зинцендорфа, так и Евгения Савойского⁵⁴.

Армия, во главе которой был поставлен уже недостаточно энергичный и подвижный принц Евгений, действовала на Рейне в 1734 г. без особой эффективности. Российская армия пришла на помощь слишком поздно, когда уже все фактически решилось. В Вене по инициативе кардинала Флери были проведены переговоры, завершившиеся в 1735 г. заключением предварительного мирного договора Парижа с Веной, согласно которому император потерял совсем немного. Продолжавшееся сближение Франции и Австрии привело затем к «ниспровержению альянсов» 1756 г. или, как его чаще именовали, дипломатической революции⁵⁵.

Последние годы жизни Евгений Савойский больше посвящал заботам о своем состоянии, дворцах, библиотеке и покровительству наукам и искусствам. Принц Евгений был холост, детей у него не было, что давало ему возможность использовать свои огромные финансовые средства на строительство дворцов, собиравание библиотеки, покровительство ученым, скульпторам и архитекторам.

Евгений Савойский в полном соответствии со своим положением не жалел средств на строительство дворцов. Его городской дворец в Вене отличался великолепным фасадом, но самый красивый дворец располагался в предместье Вены — это был знаменитый Бельведер, превосходивший даже Шенбрунн по архитектурным достоинствам, но с меньшим парком. Там же в Бельведере располагался зверинец, доставшийся впоследствии императорской семье. Евгений Савойский был большим библиофилом не только потому, что это было модно, он разбирался в литературе и немало читал, что позволяло ему вести переписку с французскими просветителями Вольтером и Монтескье, а также общаться с выдающимся немецким ученым, историком и философом Лейбницем. Агенты принца покупали книги в Лондоне и Париже. Согласно опубликованному в Гааге уже после смерти Евгения Савойского каталогу его библиотеки в ней числилось 6731 книга, 56 рукописных записок известных ученых и 252 ценных рукописи, в том числе единственная известная карта дорог Римской империи в копии XII—XIII веков. По современным данным в библиотеке его насчитывалось 15 тыс. печатных единиц. Евгений Савойский читал много исторических книг и часто приводил цитаты из знаменитых римских поэтов времен Октавиана Августа (очевидно, Вергилия и Горация. — Ю.И.), заслужив репутацию «философа-вои-

на». Вольтер в 1719 г. прислал Евгению Савойскому первое издание трагедии «Эдип», на что полководец отреагировал желанием получить новые произведения Вольтера: в 1722 г. из Франции был прислан в дар экземпляр «Генриады», эпоса о Генрихе IV Бурбоне, который вызвал комплименты Евгения Савойского. Он имел кратковременное знакомство с другим французским просветителем — Монтескье, когда тот прибыл в Вену в апреле 1728 года.

Евгений Савойский был известен не только как «славнейший из христианских полководцев», но и как политик, проводивший, например, в Австрийских Нидерландах политику веротерпимости, как сторонник чистой католической веры и противник ультрамонтанов, то есть ревностных приверженцев римского папства. Его позиция, конечно, объяснялась во многом государственным интересом, а именно стремлением не разжигать, а, напротив, успокаивать вероисповедные страсти, тем более что он совершенно не доверял папскому престолу и иезуитам. В этом смысле Евгений Савойский был проводником той линии в отношении Рима, которая была продолжена Марией Терезией, Кауницем и особенно Иосифом II⁵⁷.

Единственной женщиной, которая играла значительную роль в его жизни, была графиня Элеонора Баттьяни, о дружбе которой с Евгением Савойским знали и говорили при всех европейских дворах. О Евгении Савойском говорили как о возможном отце ее двух сыновей, которые впоследствии как графы и князья Баттьяни-Штратманны играли важную роль на государственной и военной службе в Габсбургской монархии. Но из собственноручных писем принца и графини такой вывод сделать нельзя. О подруге графини Баттьяни графине Элеоноре Штратманн также говорили как о любовнице Евгения Савойского. Но обе Элеоноры были для него прежде всего умными собеседницами, к которым принадлежали также еще некоторые уже немалодые дамы, как, например, княгиня Лихтенштейн, графиня Виндишгрец, а также графини Мартиниц и Кински⁵⁸.

После своего последнего и, увы, бесславного похода 1734 г. Евгений Савойский не захотел больше никуда выезжать из Австрии, а за два дня перед своим семидесятидвухлетием решил побыть за городом в кругу друзей. Через неделю, 27 октября 1735 г. он присутствовал на приеме в честь жениха Марии Терезии герцога Франца Стефана Лотарингского, где простудился. В начале января 1736 г. кашель усилился, в феврале врачи уже думали, что наступают последние дни великого полководца. 20 апреля его посетили гости. Пока они беседовали, принц Евгений удалился в свою спальню, где в ночь на 21 апреля он скончался. Когда утром гости вошли в спальню, он был уже мертв. Врачи констатировали смерть от воспаления легких⁵⁹.

Император Карл VI оставил в своем дневнике 21 апреля запись: «В половине девятого утра — известие, что принц Евгений Савойский, который с 83 г. находился на службе моего Дома, с 1703 г. был президентом военного совета, мне служил с 1711 г., был найден в постели мертвым после продолжительной болезни. Боже, помилуй его душу. В его 73 года». В другой заметке в этом же дневнике можно прочитать: «Теперь все пойдет в правильном направлении, лучшем порядке». Как видно, император воспринял смерть принца Евгения не как потерю, а скорее как облегчение. Предложение поместить сердце покойного рядом с сердцами членов Габсбургского Дома в церкви Святого Августина он отклонил, но все же приказал отдать с большой помпой последние почести знаменитому полководцу. В соборе Святого Стефана был сооружен роскошный траурный помост. После торжественного погребения Карл VI приказал построить в Вене богато украшенный мавзолей, чтобы показать, что Дом Габсбургов чтит все заслуги Евгения Савойского. Украшала саркофаг конная статуя полководца в одеянии римского императора. По бокам саркофага были изображены сцены многочисленных битв, в которых побеждал Евгений Савойский. С 10 по 13 июля того же года в Вене происходили торжества по случаю завершения строительства мавзолея.

Примечания

1. OCELKA K., HELLER L. Die Lebenswelt der Habsburger. Kultur- und Mentalitätsgeschichte einer Familie. Graz; Wien; Köln. 1997, S. 52, 139; VOCELKA K. Österreichische Geschichte 1699—1815. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien. 2001, S. 42—46.
2. BRAUBACH M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. I—V. Wien. 1963—1965. Bd. I, S. 21; WEBER H. Prinz Eugen und Frankreich. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit. Freiburg; Würzburg. 1986, S. 104—105.
3. KUNISCH J. Prinz Eugen und der Staat—der Typus des neuen Feldherrn. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 18—21; KAISER M., PECAR A. Reichsfürsten und Favoriten. Die Ausprägung eines europäischen Strukturphänomens unter den politischen Bedingungen des Alten Reiches. — Der zweite Mann in Staat. Oberste Amtsträger und Favoriten im Umkreis der Reichsfürsten in der Frühen Neuzeit. Brl. 2003, S.9—15; ASCH R. "Lumine solis". Der Favorit und die politische Kultur des Hofes in Westeuropa. Ibid., S. 23, 27.
4. ARNETH A. von. Prinz Eugen von Savoyen. Bd. 1—3. Wien. 1864. Bd. 1, S. III; Bd. 3, S.487, 490—503.
5. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 13; Bd. V, S. 338—357; См. также: HENDERSON N. Le Prince Eugène de Savoie. P. 1980, p. 9, 10, 364.
6. DUCHHARDT H. „Krieg“ und „Frieden“ im Zeitalter des Prinzen Eugen. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 22—30.
7. VOCELKA K. Op. cit., S. 42—46.
8. ASCH R. Einleitung: Krieg und Frieden. Das Reich und Europa im 17. Jahrhundert. — Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt. München. 2001, S. 13—36; DUCHHARDT H. Staatenkonkurrenz und Fürstenrivalität. Krieg und Frieden in Europa 1700—1714. — Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim. Ostfildern. 2004, S. 3—11; См. также: ИВОНИНА Л.И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648—1715). М. 2005.
9. ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd.2. Kaisertradition und österreichische Großmachtspolitik. Stuttgart. 1997, S. 11—25.
10. KUNISCH J. Staatsverfassung und Mächtepolitik. Zur Genese von Staatenkonflikten im Zeitalter des Absolutismus. Brl. 1979, S. 17, 46—47.
11. HOCHEDLINGER M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683—1797. Lnd.; N.Y. 2003, p. 60—61, 168—169; BÉRENGER J. Le conflit entre les Habsburg et les Bourbons (1598—1792). — Revue d'histoire diplomatique, 2002, N 3, p. 206—209; SCHMIDT G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation 1495—1806. München. 1999, S. 226; BURKHARDT J. Konfession als Argument in den zwischenstaatlichen Beziehungen. Friedenschancen und Religionskriegsgefahren in der Entspannungspolitik zwischen Ludwig XIV und dem Kaiserhof. — Rahmenbedingungen und Handlungsspielräume europäischer Außenpolitik im Zeitalter Ludwig XIV. Brl. 1991, S. 134, 150—151, 154; MALETTKE K. Ludwigs XIV. Außenpolitik zwischen Staatsräson, ökonomischen Zwängen und Sozialkonflikten. — Rahmenbedingungen, S. 45; KUNISCH J. La guerre-c'est moi! Staatenkonflikte im Zeitalter des Absolutismus. — KUNISCH J. Fürst-Gesellschaft-Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates. Köln; Weimar; Wien. 1992, S. 3—5, 26—27.
12. ROBERTS M. The Military Revolution, 1560—1660. Belfast. 1956; ejusd. Die Militärische Revolution 1560—1660. — Absolutismus. Frankfurt am Main. 1986, S. 273—309; PARKER G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West 1500—1800. Cambridge. 1988.
13. ANDERSON M. War and Society in Europe of the Old Regime 1618—1789. Leicester. 1988, p. 77—91, 136—171.
14. DUCHHARDT H. „Krieg“ und „Frieden“..., S. 23, 25, 27—30; SICKEN B. Kriegskunst und Heeresorganisation im Zeitalter des Prinzen Eugen. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 31—44.
15. SICKEN B. Heeresaufbringung und Koalitionskriegsführung im Pfälzischen und im Spanischen Erbfolgekrieg. — Rahmenbedingungen, S. 89—109; HAMMEL K. Militärorganisation und Praxis der Kriegsführung um 1700. Der Aufbau des kurbayerischen Heeres unter Kurfürst Max Emanuel. — Die Schlacht von Höchstädt, S. 42—48; European Warfare 1453—1815. Basingstoke and Lnd. 1999, p. 2—3, 12—13, 69—81, 88—95; KUNISCH J. Prinz Eugen und der Staat, S. 21; КЛАУЗЕВИЦ К. О войне. М. 1999, с. 311.
16. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 21—47, 82—91; БЛЮШ Ф. Людовик XIV. М. 1998, с. 88—89, 322.
17. KROENER B. Prinz Eugen und die Türken. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 113—116; PARVEV I. Habsburgs and Ottomans between Vienna and Belgrade (1683—1739). N.Y. 1995, p. 28—43; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М. 2001, с. 243—261.

18. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 114—117, 138—139; ARNETH A. Op. cit. Bd. I, S. 30—31; PARVEV I. Op. cit., p. 48—49, 56—57; Османская империя, ч. 2, с. 268—270, 274—278.
19. KROENER B. Op. cit., S. 116—117; PRESS V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600—1715. München. 1991, S. 443—444; PARVEV I. Op. cit., p. 96—98; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 148—149; Османская империя, ч. 2, с. 278—281.
20. WANDRUSZKA A. Österreich und Italien im 18. Jahrhundert. München. 1963, S. 16—17; ARETIN K.O. von. Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648—1806. Stuttgart. 1992, S. 127—163, 241—254; ejusd. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 32—33, 40—41, 74—77; SCHNETTGER M. Impero romano-Impero germanico. Italienische Perspektiven auf das Reich in der Frühen Neuzeit. — Imperium Romanum-irregulare corpus-Teutscher Reichs-Staat- Das Alte Reich im Verständnis der Zeitgenossen und der Historiographie. Mainz. 2002, S. 53—75; WEBER H. Op. cit., S. 106; ШИНДЛИНГ А. Леопольд I 1658—1705. — ШИНДЛИНГ А., ЦИГЛЕР В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. 1997, с. 206—209, 219—223.
21. ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 85; HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 174—175; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 176—177.
22. Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen. Bd. I. Wien. 1848, S. 20—23, 92—96; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 198—201, 230, 232—235; ARETIN K.O. von. Das Reich, S. 246, 249.
23. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 239—243, 254—257; Militärische Korrespondenz. Bd. I, S. 126—127, 140—143, 148—151, 154—155, 164—165; Османская империя, ч. 2, с. 281—283.
24. Османская империя, ч. 2, с. 240—241, 283—285; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 265—270; HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 165; KROENER B. Op. cit., S. 118—119; PARVEV I. Op. cit., p. 132; DUCHHARDT H. Europa am Vorabend der Moderne 1650—1800. Stuttgart. 2003, S. 70—71.
25. ARNETH A. Op. cit. Bd. I, S. 129—130; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 270—273, 278—279.
26. БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 608—617; PRESS V. Op. cit., S. 450—455; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 97—104, 110—111.
27. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 306—307; ARETIN K.O. von. Das Reich, S. 248—251; ejusd. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 128—129; VOCELKA K. Op. cit., S. 144—146; БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 621; PRESS V. Op. cit., S. 457; Militärische Korrespondenz. Bd. I, S. 235, 240—243, 278—279, 416—417, 422—423; HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 178.
28. BRAUBACH M. Die Politik des Kurfürsten Max Emanuel von Bayern im Jahre 1702. — BRAUBACH M. Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jh. Gesammelte Abhandlungen. Bonn. 1969, S. 148 etc.; SCHRYVER R. Max II Emanuel von Bayern und die Spanische Erbe. Die europäischen Ambitionen des Hauses Wittelsbach 1665—1715. Mainz. 1996, S. 51—57, 99, 112, 116—117, 122—124; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 120—122.
29. ШМИДТ Г. Иосиф I 1705—1711. — ШИНДЛИНГ А., ЦИГЛЕР В. Ук. соч., с. 228—231; PRESS V. Op. cit., S. 457, 459; ARETIN K.O. von. Op. cit. Bd. 2, S. 122—124; HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 178—179; BRAUBACH M. Ein Rheinischer Fürst als Gegenspieler des Prinzen Eugen am Wiener Hof. — BRAUBACH M. Diplomatie, S. 321—325; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. I, S. 365—369; SCHILLING H. Höfe und Allianzen, S. 328—329, 339; KUNISCH J. Prinz Eugen und der Staat — Der Typus des neuen Feldherrn. — Prinz Eugen von Savoyen, S. 16—19; MÜLLER K. Diplomatie und Diplomaten im Zeitalter des Prinzen Eugen. — Ibid., S. 45.
30. Militärische Korrespondenz. Bd. 2, S. 44—45; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 44—47; HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 180—181, 189; JUNKELMANN M. Feldzug und Schlacht von Höchstädt. — Die Schlacht, S. 54—56, 59—64; ИВОНИНА Л.И. Джон Черчилль, герцог Мальборо. — Вопросы истории, 2003, № 6, с. 82—83.
31. PRESS V. Op. cit., S. 459; JUNKELMANN M. Op. cit., S. 65—66; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 74—77; ДЕЛЬБРИЮК Г. История военного искусства. Средневековье. Новое время. Смоленск. 2003, с. 519—523; VOCELKA K. Op. cit., S. 148; SCHMIDT H. Prinz Eugen und Marlborough. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 151—153; Militärische Korrespondenz. Bd. 2, S. 141—143; ИВОНИНА Л.И. Сражение при Бленхайме и его европейское значение. — Актуальные вопросы всеобщей истории. Вып. 2. Ростов-на-Дону. 2003, с. 129—137; ARETIN K.O. von. Das Reich, S. 35, 232.
32. Militärische Korrespondenz. Bd. 2, S. 193—202; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 82—83.
33. ШМИДТ Г. Ук. соч., с. 231—233, 236; ARNETH A. Op. cit. Bd. I, S. 339, 438; INGRAO CH. In Quest in Crisis. Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy. West Lafayette. 1979, p. 1—2, 220, 225; PRESS V. Joseph I (1705—1711). — Kaiserpolitik zwischen Erblanden, Reich und Dynastie. — Deutschland und Europa in der Neuzeit. Stuttgart. 1988, S. 277—297.
34. PRESS V. Joseph I, S. 286; ARETIN K.O. von. Das Reich, S. 260; Militärische Korrespondenz. Bd. 2, S. 531—535, 584, 626—628; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 128—129, 142—143, 161—163; ДЕЛЬБРИЮК Г. Ук. соч., с. 523—525; SCHILLING H. Op. cit., S. 263.
35. ARNETH A. Op. cit. Bd. 2, S. 4—5; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 183—185, 210—211, 368; ejusd. Ein rheinischer Fürst, S. 328—329, 332—333, 336; ejusd. Friedrich Karl von Schönborn und Prinz Eugen. — BRAUBACH M. Diplomatie, S. 301—304; PRESS V. Kriege und Krisen, S. 462—463.
36. БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 627, 633—635; ARETIN K.O. von. Das Reich, S. 289—292; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 235—237.
37. ДЕЛЬБРИЮК Г. Ук. соч., с. 526—529; БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 641—644; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. II, S. 306—309, 328—329, 368—369, 386—387; ARETIN K.O. von. Das Reich, S. 321—323; ejusd. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 160—161; PRESS V. Op. cit., S. 467; SCHILLING H. Op. cit., S. 263.
38. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. III, S. 15—16, 26—29, 52—53; ARETIN K.O. von. Das Reich. Bd. 2, S. 221—223.
39. ШМИДТ Г. Карл VI 1711—1740. — Кайзеры, с. 241—247; ARNETH A. Op. cit. Bd. 2, S. 198—206; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. III, S. 82—93.
40. БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 669; ШМИДТ Г. Ук. соч., с. 247—248, 258; PRESS V. Op. cit., S. 469—471; WEBER H. Op. cit., S. 108—109; VOCELKA K. Op. cit., S. 154; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. III, S. 98—143, 147—151, 178—228; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 240—245.
41. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. III, S. 226—229; ШМИДТ Г. Ук. соч., с. 248, 251, 254; KUNISCH J. Prinz Eugen und der Staat, S. 11—13; DUCHHARDT H. Europa am Vorabend der Moderne, S. 260—261; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 246—247, 295—301.
42. SCHILLING H. Op. cit., S. 279—280; DUCHHARDT H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700—1785. Paderborn; München; Wien; Zürich. 1997, S. 121, 193.
43. PARVEV I. Habsburgs and Ottomans, p. 152—153; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. III, S. 295—297, 310—312.
44. ARNETH A. Op. cit. Bd. 2, S. 454—455; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. III, S. 355—363, 378—379; PARVEV I. Op. cit., p. 180—205; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 252—253; DUCHHARDT H. Balance of Power, S. 396—397.
45. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. IV, S. 38—39, 62—63; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 263—265, 295—301.
46. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. IV, S. 115.
47. MÜLLER K. Diplomatie-Rivalität zwischen Reichs- und Hofkanzlei — Persönlichkeit und Außenpolitik. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 46—51; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. IV, S. 238—243, 280—281; DUCHHARDT H. Balance of Power, S. 36, 277, 281.
48. BRAUBACH M. Friedrich Karl von Schönborn und Prinz Eugen. — BRAUBACH M. Diplomatie, S. 305—307; ARNETH A. Op. cit. Bd. 3, S. 334.
49. BRAUBACH M. „Le Diable“. Ein Mentor von Friedrich des Grossen als Agent des Prinzen Eugen. — BRAUBACH M. Diplomatie, S. 437—453; ejusd. Op. cit. Bd. IV, S. 317—320, 337—349; WEBER H. Op. cit. S. 110—111; DUCHHARDT H. Balance of Power, S. 30.
50. OTRUBA G. Das österreichische Wirtschaftssystem im Zeitalter des Prinzen Eugens. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit, S. 57—59 etc.; DUCHHARDT H. Europa am Vorabend der Moderne, S. 259.
51. HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 232—235; DUCHHARDT H. Balance of Power und Pentarchie, S. 120—121; ejusd. Europa am Vorabend der Moderne, S. 242—243, 268—269.
52. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. IV, S. 116—117, 146—149, 198—205.
53. Ibid. Bd. III, S. 330—333; Bd. IV, S. 68—71, 84—85, 94—95.
54. ARNETH A. Op. cit. Bd. 3, S. 334; BRAUBACH M. Op. cit. Bd. IV, S. 232—233, 316—317; ARETIN K.O. von. Das Alte Reich. Bd. 2, S. 333—337.
55. BRAUBACH M. Versailles und Wien von Ludwig XIV bis Kaunitz. Die Vorstadien der diplomatischen Revolution im 18. Jh. Bonn. 1952, S. 172—185, 266—275.
56. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. V, S. 60—61, 92—115, 170—173, 180—183; SCHILLING H. Op. cit., S. 364—365; VOCELKA K., HELLER L. Op. cit., S. 88, 230; ARNETH A. Op. cit. Bd. 3, S. 62—63.
57. BRAUBACH M. Diplomatie, S. 530—545.
58. BRAUBACH M. Op. cit. Bd. V, S. 146—155.
59. Ibid., S. 200—201, 318—321.